

2021-12-24 Газета "Правда". Кто убил защитника Страны Советов?

Виновники уничтожения Советского Союза, которые гордятся этим, продолжают уверять, будто всё произошло совершенно бескровно, безо всяких жертв. Наглая ложь! Ведь статистически установлено, что за время так называемых реформ страна теряла ежегодно около миллиона человек. О некоторых трагических судьбах я рассказывал тогда в «Правде». И вот этот очерк, судя по откликам, произвёл почти 30 лет назад особое впечатление на читателей.

Бывают в жизни события, которые нравственной силой своей подобны мощному взрыву. Именно так прозвучали мелькнувшие недавно в нескольких газетах беглые сообщения о трагедии, происшедшей в городе Бресте. Один из защитников легендарной крепости-героя, приехав сюда осенью 1992-го из Усть-Кута Иркутской области, где он жил и работал последние годы, бросился под поезд.

Строки предсмертного письма, повторенные в информации «Правды», заставили вздрогнуть. «Если бы тогда умер от ран, — написал старый солдат, — я бы знал: погиб за Родину. А вот теперь — от собачьей жизни... Не считайте меня сумасшедшим».

Боже, думалось мне, до чего же мы докатились! Человечу, защищавшему Отечество в годину смертельной опасности, не оказалось места на этой земле.

Дни бегут за днями, газеты выходят своим чередом, печатая текущие новости, перекрывающие одна другую, а эта, ставшая вчерашней, кое-кем уже и забывается. Но мы не можем, не имеем права забыть! Мы обязаны разобраться и вдуматься, вникнуть и понять: что же за человек он был, Тимерян Зинатов, какая у него была жизнь, каковы обстоятельства и уроки страшной трагедии? Да и его ли только личная это трагедия? Или целого поколения, всей страны?

...Вместе с научным сотрудником мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»

Аллой Соболевской иду по двору цитадели. Алле Фаритовне хорошо знаком здесь каждый уголок, и она подробно рассказывает о местах, где в роковые июньские дни 1941-го вместе с боевыми товарищами держал оборону юный Тимерян — курсант полковой школы 44-го стрелкового полка.

— Видите вон те развалины? — показывает она в сторону руин, поросших высокой травой. — Это как раз остатки казармы, где размещались курсанты и возле которой, на берегу реки Мухавец, приняли они утром 22 июня свой первый бой. Начальником полковой школы был старший лейтенант Василий Иванович Бытко, награждённый ещё за финскую войну орденом Красного Знамени. «Наш Чапай» — называли его воспитанники.

Здесь произошло памятное событие, о котором рассказал в своей знаменитой книге исследователь и летописец брестской обороны писатель Сергей Смирнов. Он привёл выдержку из письма бывшего курсанта Зинатова: «Когда наш штаб горел, мы — Амосов, Гушин и я — из огня вытащили полковое Знамя и спрятали под кухней столовой 44-го полка в подвале». Тогда же, во время неудавшегося прорыва к Северным воротам, Тимерян был ранен.

Постояли мы с Аллой Фаритовной возле подвала казармы 333-го стрелкового полка, куда отправили раненого Зинатова. Он был очень слаб, но обузой для товарищей оставаться не хотел. Снаряжал пулемётные и автоматные диски, брёл за патронами в склад боепитания. А через день и сам взялся за оружие.

Из воспоминаний Тимеряна Зинатова: «26 июня решили прорваться через Мухавец. С легкоранеными собралось человек сто. К воде под сплошным вражеским огнём ринулись внезапно. На другую сторону переправилось чуть больше десятка. Заняли один из казематов против Трёхарочных ворот.

Патронов мало. Еды и воды не было совсем. Днём отстреливались от наседавших гитлеровцев, а ночью пытались найти щель в боевых порядках врага. Но каждый раз нас обнаруживали».

К 30 июня из всей группы осталось четверо. Трое вели огонь через окна, а вторично раненный Зинатов охранял подступы к дверям. Ему отдали единственную гранату. Метнул её в наступающую группу фашистов. Тут и самого оглушило сильным взрывом...

Дальше — плен, все тяготы концлагеря. Неудачная по-пытка побега. Второй побег — и возле чехословацкой границы летом 1944 года они вместе с другом выходят навстречу одной из наших частей. Войну он закончил рядовым в составе 277-го гвардейского отдельного истребительного противотанкового артполка.

Здесь мне надо бы сделать паузу, поскольку биография солдата Зинатова сменяется биографией Зинатова-строителя. И воспроизводил я её для себя по письмам, адресованным им в Брестский музей-мемориал и бережно собранным тут с 1958 года в толстой зелёной папке его «дела».

О, как много отразилось на этих листках, исписанных размашистым, быстрым почерком! Характер, работа, быт, география... Татарин, родившийся в Башкирии, он стал после войны сибиряком и нашёл в этом крае, можно сказать, свою новую судьбу. По адресам вижу, как эта судьба броса-ет его с одного места на другое и уводит всё дальше на восток, в тайгу, в необжитые места. Сначала строил дома в Кемерове и Прокопьевске. Потом трест «Южкузбасс-энерго», Томь-Усинская ГРЭС. Затем трест «Ангарскстрой» — строительство железной дороги Братск — Хребтовая — Усть-Илимск. Наконец — БАМ.

Нынче многие склонны злословить по поводу тех «ударных строек» и «совков», которые рвались туда, где труднее. Что ж, история рассудит. Но у меня лично нет ни малейших сомнений в чистоте помыслов таких людей, как Тимерян Хабулович. В домах, которые он построил, живут и будут жить люди. «Люблю что-то сделать и полюбоваться делом рук своих», — вырвалось у него в одном из писем. И в Коммунистическую партию он вступил не ради карьеры: какая уж карьера у рядового каменщика и плотника! И медали «За строи-тельство Байкало-Амурской магистрали», которая приба-вилась к боевым орденам Славы и Отечественной войны, он искренне радовался.

Но вот читаю письма, приближаясь к последним его дням, и чувствую, вижу: будто чёрная туча наползает на их былой оптимизм. Нарастают тревога и озабоченность, всё чаще звучит горькая усмешка.

Из последних писем в музей Тимеряна Зинатова: «Мы живём «хорошо» и «счастливо». Магазины «полны товаров», и «тепло» в домах. И морозов сибирских даже больше, чем надо, и для мяса не надо холодильников, оно на балконе хорошо сохраняется, да вот только талоны мешают. Их так много, а продуктов так мало... Вот всё В.И. Ленина винят, когда сами работать не умеют, а больше заседают по Маяковскому и ждут от немцев и др. помощи. Даже смешно»...

«Привет из далёкой Сибири! Поздравляю вас всех, всех, всех с Новым, 1991 годом. Желаю вам счастья и здоровья. Дай бог нам всем, чтобы мы надолго, навсегда забыли, что есть такое слово — «война». Мы многое пережили, как бы трудно ни было, и разрушенное восстановили. Теперь надо бороться, чтобы построенное не было глупцами разрушено. Это будет страшнее войны. Некоторые дышло истории хотят повернуть по-своему. Надо бороться, чтобы был единый наш Советский Союз, только тогда мы будем уверены, что над нами не нависнет вновь 1941 год. Если мы не будем делить страну на карманные государства. Вот что страшнее войны! Я этого боюсь, этого нельзя допускать! Это будет смерть всем. Не хотел огорчать вас, но высказать всем об этом — моя обязанность. Это наши предсмертные наказы ветеранов войны».

Читатель, обрати внимание! Письмо это написано в канун 1991 года, который, как и 1941-й, стал роковым для нашей страны. Невероятно больно, однако: то, чего так боялся и о чём предупреждал ветеран («страшнее войны»), произошло. И по какой-то зловещей иронии судьбы произошло именно здесь, в Беловежской Пуще, то есть на той самой брестской земле, которая пятьдесят лет назад была обильно полита кровью людей всех национальностей нашего великого Союза, его защищавших. Можно представить, как отозвалось это в сердцах воинов-ветеранов...

Мне хотелось по возможности восстановить последние дни Тимеряна Хабуловича, и по моей просьбе наш иркутский корреспондент Владимир Ермолаев связался с Усть-Кутом. Там, в строительно-монтажном поезде №288 треста «ЛенаБАМстрой», о нём рассказали очень много доброго. Мало того что мастер — золотые руки. Скромнейший человек. Никогда для себя ничего не просил. Вон в военкомате даже не помнили, что в городе живёт защитник Брестской крепости. Но за справедливость, когда это касалось других, всегда вставал горой.

Семья? Хорошая, дружная. Настроение же его в последнее время (скверное настроение!) объяснялось, конечно, тем, что творится в стране. Когда ветераны войны

еле сводят концы с концами, когда их избивают омовскими дубинками, когда боевыми наградами, омытыми кровью, торгуют на толкучке, какое может быть настроение?

А в Брест он на этот раз уехал неожиданно для родных и знакомых (вроде не собирался), хотя раньше старался ездить туда почти каждый год: встретиться со старыми друзьями, возложить цветы погибшим. Увы, ныне и здесь его ждало мало приятного. Мемориал, некогда принимавший до миллиона туристов в год со всей страны, теперь зачастую пустует. Понятно: не поедут же сейчас сюда из Таджикистана или Грузии, Армении или Азербайджана, охваченных военным пожаром. Да и многие приезжающие откуда-нибудь скорее побегут на вещевой рынок, нежели в музей. Вот он, холодный ветер забвения!

Тимофей Петрович Домбровский, один из четверых защитников цитадели, живущих ныне в Бресте, с горечью рассказывает: впервые в этом, 1992 году (впервые!) 22 июня городские власти не провели в крепости торжественно-траурную церемонию, посвященную началу войны и обороны. Возмущенный ветеран позвонил председателю горсовета И. Венцелю.

— А мы этот праздник не отмечаем, — ответил тот.

— Да не праздник — начало всенародной трагедии!

— Не вмешивайтесь не в своё дело.

А сколько горького, обидного поведал мне директор мемориала Павел Нестерович Панасюк! Брошенные на произвол судьбы городскими властями, варварски громятся и растаскиваются по дачным участкам бывшие казармы полковой школы 84-го стрелкового полка на Госпитальном острове. Все городские предприятия и организации прекратили многолетнее шефство над мемориалом. Из светильников и прожекторов воруют лампы. Украли даже ящик, в который собирались пожертвования на восстановление мемориала. А в Вечный огонь подвыпившие в соседней столовой гуляки могут бросить бутылку и дважды уже сбивали с плиты бронзовые буквы: «Стояли насмерть. Слава героям!»

Ну что это? Святотатство. Кошунство. И всё это узнал при своём последнем приезде в священный для него город Тимерян Хабулович. Есть люди, которые, по-моему, как бы собирают и концентрируют в себе душевную боль многих. Такой была Юлия Друнина. Таков и Тимерян Зинатов.

Из письма в газету «Вечерний Брест» инвалида войны второй группы С. Антипурука: «Умирают по своей воле люди, сильные духом и преданные своим идеалам. Это вызов нашему обществу. Всех ветеранов оно обворовало, обесценило их труд, сбережения и бросило в пропасть нищеты. К сожалению, нередко теперь можно услышать упрёки и насмешки в адрес ветеранов. Награды для кого-то — «бляшки», пролитая кровь — «водица», победа — «историческая ошибка»... Молодёжь натравливают на стариков. Мол, мы виноваты во всех грехах истории...

Очень больно переживаешь унижения и оскорбления, ведь шли на тяжёлые испытания ради лучшей жизни. А что получили на старости лет? И есть ли будущее у такого общества, которое не почитает своих стариков?»

В заключение должен сказать ещё об одном: как проводили Зинатова в последний путь. Я-то думал, что станет это событием для всего города, если даже не области. Ведь один из последних участников исторической обороны уходит!

Нет, на похороны, кроме прилетевших родственников, собрались только сотрудники музея и несколько ветеранов. Всего человек двадцать. Один-единственный венок — от мемориала. А как же опять-таки городские власти? Почему от них-то не было никого?

— Но ведь город взял расходы по захоронению на себя, — говорит начальник производственного объединения жилищно-коммунального хозяйства Брестского горисполкома В. Воробей.

Взял расходы — это правильно, хорошо (могло ли, впрочем, быть иначе?). Но вот ветеран в предсмертном письме просил похоронить его «в зоне Брестской крепости»: тут, рядом, гарнизонное кладбище, где, кстати, покоится майор Пётр Гаврилов —

командир полка, в котором Зинатов служил. Верно, четыре года назад кладбище это закрыли для захоронений, хотя, как говорили мне, «в порядке исключения» хоронят. Собственно, об этом и просило руководство мемориала, обращаясь к руководству горисполкома. Не вняли просьбе.

— А почему? — спрашиваю того же В. Воробья. — Ведь, по-моему, здесь и воинский салют был бы не лишним.

— Да знаете, — мнётся мой собеседник, — тут исполком надо было собирать, чтобы решить. Да и вообще... Самоубийство всё-таки.

Ах, Василий Борисович, уважаемый вы мой! Самоубийство... Не самоубийство это было, а самое настоящее убийство. Причём, как определяется в Уголовном кодексе, приотягчающих обстоятельствах. Государство нынешнее убило человека — нищетой и жестокостью, бездушием и отчаянием.

Из предсмертного письма Тимеряна Зинатова:

«Извините, что таким образом объявляю протест нашему ельцинско-гайдаровскому правительству. Конечно, это не метод борьбы, но другого выхода у меня нет бороться с теми, кто нас, ветеранов, поставил на колени. Но я хочу умереть стоя, чем так жить на коленях и просить нищенское пособие для продолжения своей старости и дотянуть до гроба с протянутой рукой!..»

Наверное, все помнят: президент России Ельцин клялся лечь на рельсы, если допустит ухудшение уровня жизни народа. Однако пока на рельсы ложится старый солдат — защитник Отечества. Кладёт жизнь за други своя. За всех нас. Вечная память!

Виктор КОЖЕМЯКО.